

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-ГО**

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
БК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.
С91 **Стальная память / Евгений Сухов.** — Москва :
Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-169956-7

Объявившаяся после войны в одном из городов Поволжья банда поразила население своей жестокостью. Преступники не только грабили и убивали мирных граждан, они оставляли после каждого «дела» фирменный знак — выкалывали жертвам глаза. Специально созданная оперативная группа майора Виталия Щелкунова, охотившаяся за извергами, считала эту выходку самоуверенной наглостью отморожков. И только один участник банды вкладывал в эту расправу всю свою ненависть к советской власти, копившуюся у него долгие годы...

УДК 821.161.1-312.4
БК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169956-7

© Сухов Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

Убийство в День Победы

За стенкой неожиданно и громко зазвучал расстроенный баян, а затем мужской голос с хрипотцой запел:

Раскинулось море широко,
и волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
подалее от нашей земли...

В тишине раннего утра зазвучавшие из комнаты номер одиннадцать звуки были настолько громкими, что наверняка их услышал весь барак. В военное время музыка в бараке, конечно же, иногда звучала. Но было это вечерами, после изнурительной тяжелой работы. Порой по праздникам и в редкие выходные. Но чтобы вот так, неожиданно-негаданно, с самого утра...

— Опять сосед нажрался спозаранку. Где этот гад только водку берет? — недовольно буркнул спросонья Назар Степанович и несколько раз ударил по дощатой перегородке кулаком.

В ответ на раздраженный стук сосед еще сильнее растянул меха инструмента:

Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
сказал кочегар кочегару, —
огни в моих топках совсем не горят,
в котлах не сдержат мне уж пару...

Недовольно кряхтя, — а кому понравится, когда тебя будят ни свет ни заря, — Назар Степанович поднялся с постели, сунул босые стопы в калоши и, как был в трусах и майке, вышел из комнаты в барачный коридор, заставленный утварью. Его худые ноги мелко подрагивали.

— Ты куда, деда? — услышал он за спиной голос внучки.

Оборачиваться старик не стал:

— Спи давай! Я мигом.

Сделав несколько шагов, Назар Степанович ткнул ладонью соседскую дверь, и та легко открылась.

— Васька, ты что там, очумел, что ли, совсем? Время-то всего четверть пятого! Люди вымотались, отдохнуть хотят! — возмущенно выговорил Назар Степанович и шагнул в комнату.

Сосед Васька Гудков, годов тридцати, в затертом тельнике и форменной рубашке с медалью Ушакова на груди, сидел на кровати, держа на коленях баян, и что есть мочи пел:

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

На палубу вышел, сознания уж нет,
в глазах его все помутилось,
увидел на миг ослепительный свет,
упал — сердце больше не билось...

Посередь выпуклого лба и на шее просвечивали вздувшиеся синие вены. Ног ниже колен не было...

— Ну ты чего, Василий, — уже мягче произнес Назар Степанович. — Спят же еще все.

— А нехрен спать, — скороговоркой буркнул Василий Гудков. — Потому как победа, старик!

После этих слов безногий матрос снова растянул меха баяна и запел, напрягая взбухшие на шее жилы:

К ногам привязали ему колосник
и койкою труп обернули,
пришел корабельный священник-старик,
и слезы у многих блеснули...

— Ты почему знаешь? — едва не задохнулся Назар Степанович от услышанного. Победа была давно ожидаема, советские войска успешно били немцев под Берлином, но все равно известие для старика было сродни удару обухом по голове. Вроде жив и даже здоров, а в башке вдруг началась круговерть, какая-то сумятица и полная неразбериха. Старенькие ножонки подкашивались: ступишь пару шагов, да и рухнешь наземь.

— Да все говорят, — уверенно глянул на старика безногий матрос, и глаза его блеснули. — Будешь, старик? — указал он на чекушку с водкой.

Не дожидаясь согласия соседа, Василий одним движением сдернул сургучную пробку с «белоголовки» и налил Назару Степановичу половину граненого стакана.

— Ну, давай, сосед, за победу!

Не дожидаясь, пока сосед освободит стакан, Василий Гудков выпил остатки водки из горла. Затем шумно вздохнул и затыкнул:

Напрасно старушка ждет сына домой,
ей скажут — она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой,
и след их вдали пропадает.

А барак уже загудел растревоженным ульем. Беспреданно справа и слева хлопали входные двери — люди выходили на улицу, обнимались, пели песни, многие плакали. Затем потянулись в парк, заложенный в поселке имени Серго Орджоникидзе — микрорайоне в северной части города Средневолжска — еще до войны.

Отправились в парк и Назар Степанович с внучкой Оленькой, благо, что идти было недалеко — только перейти улицу Сталинградскую и пройти через высокие кирпичные трехарочные парковые ворота, металлические створки которых, закрываемые на ночь, были уже настезь открыты. Затем по неширокой аллее из тоненьких липок и кустов

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

акации дед с внучкой пошли по направлению к стадиону.

Метрах в двадцати от входа на стадион на высоком столбе висело два четырехугольных репродуктора, направленных в разные стороны. Возле них люди останавливались и задирали вверх головы в надежде услышать подтверждение долгожданного известия. Но до шести часов репродуктор молчал. Ровно в шесть утра раздался гимн Советского Союза, а затем голос Левитана произнес ожидаемую уже десятками людей весть:

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена!

Грянул бессмертный марш «Прощание славянки», и люди у репродукторов недружно закричали: «Ура-а». Мужских голосов прозвучало мало, разве что старческие и мальчишеские. Прокричал «Ура» и Назар Степанович, и по его худым щекам потекли крупные слезы.

Затем из репродукторов уже местный диктор объявил, что среда девятого мая одна тысяча девятьсот сорок пятого года в честь Великой Победы объявляется нерабочим днем.

А люди все прибывали и прибывали. Из поселков Каравасово и Северный пришли бабы, старики, дети и работники авиационного завода номер двадцать два имени Горбунова и моторного завода номер шестнадцать. Было их более сотни. Когда взошло солнце, начали приходить жители поселка Урицкого, слободы Восстания и жители более отдаленных микрорайонов. Стадион почти полностью заполнился людьми, радостно поздравлявшими друг друга с Победой. Возникали стихийные митинги, фронтовиков качали на руках, пелись еще довоенные песни. Незнакомые друг с другом люди обнимались, смеялись и плакали. Конец войне! Все, победа!

Оленька одна из первых очутилась у лотка с мороженым и получила от продавщицы вкусный пломбир, зажатый между двумя вафельными кружочками. Но дело было даже не во вкусе. А в том, что мороженое не продавалось, а раздавалось всем желающим бесплатно. Так же бесплатно раздавалось и пиво из бочки, привезенной караковым¹ владимирским тяжеловозом² уже в девятом часу утра. Весело светило солнце... Сегодня оно было необычайно ярким, словно тоже радовалось на-

¹ Караковый — темно-гнедой с подпалинами.

² Владимирский тяжеловоз — порода тяжелоупряжных лошадей, выведенная в Советском Союзе в первой половине тридцатых годов на конезаводах Владимирской области.

ступившему празднику, усиливая его значимость и масштаб.

Почти бесшумно над парком пролетел самолет со звездами на крыльях, и на землю густо посыпались листовки с портретом Сталина в маршальском мундире и сообщениями о Победе.

К обеду ликование народа достигло апогея. В разных местах парка заиграли гармошки, люди пели, пили, плясали. Немногочисленные мужчины были уже порядком нетрезвы, но снующие в толпе милиционеры никого не забирали: не тот был день, чтобы портить людям настроение, да и приказа такового не имелось. Напротив, начальство районных и городских отделений милиции приказало быть крайне лояльными к гражданам, а шибко пьяных, если таковые появятся, аккуратно сопровождать до дому, проявляя вежливость.

Невесть откуда появился духовой оркестр, который заиграл «Случайный вальс» Марка Фрадкина.

— Хоть я с вами совсем незнако-ом и далеко отсюда мой до-ом... — голосисто запела Оленька.

Ей было почти тринадцать, и она понимала, что сегодняшней день — особенный. Жаль, что до него не дожидла мама. И, конечно, отец, погибший еще в сорок первом под Москвой. Когда пришла на него похоронка, мама упала в обморок. Состояние ее было столь тяжелым, что ей вызвали даже санитарную автомашину, которая отвезла ее в один из городских госпиталей. Выйдя из него

через неделю, мама прожила всего-то два месяца: резко и заметно стала худеть, почти ничего не ела, целыми днями сидела, уставившись в одну точку, а потом слегла совсем и тихо умерла. Видимо, не смогла перенести потерю мужа. И Оленька стала жить с дедом, отцом отца. В произошедшей трагедии был виноват Адольф Гитлер — немец с косой челкой и с мерзкими квадратными усиками под носом. Это он отнял у нее родителей. А еще Гитлер уничтожил миллионы других людей. Было жалко и себя: ведь у других детей хотя бы были матери, а у нее, кроме престарелого деда, более никого не оставалось... Поначалу горе было глубоким, но потом пережить произошедшее помог заботливый дед. А затем боль как-то притупилась. Ведь не только у нее одной убили папу. Отца потерял каждый второй школьник из ее класса, у некоторых также поумирали и родные: кто-то от недоедания, а кто от переутомления на работе, им на протяжении долгих месяцев удавалось поспать всего три-четыре часа в сутки. А некоторые из детей вообще лишились всех своих родных и попали в интернат, как это случилось с Борькой Кудрявцевым. Так что горе было всеобщим. А когда оно одно на всех, то личная беда не столь болезненна...

А в парк и на стадион прибыло столько народу, сколько Оленьке никогда еще не приходилось встречать в своей жизни, даже во время первомайских демонстраций, проходивших до войны.

Правда, количество людей немного поубавилось, когда после обеда солнце зашло за белесые облака и налетел колючий холодный ветер. Оленьке тоже стало холодно в одном платьишке и легкой кофточке, однако уходить с праздника не хотелось. Уж целых четыре года не было так весело!

— Небось замерзла? — заботливо поинтересовался дед, который успел где-то махнуть водочки и был явно навеселе. Таким Оленька его давно не видела. — Может, домой пойдем?

— Давай еще побудем, а, деда? — Оленьке очень не хотелось, чтобы праздник завершился.

— Тогда давай сбегай домой и оденься потеплее, — наказал Назар Степанович и добавил: — И мне ватник заодно прихвати.

Девочка кивнула и со всех ног побежала домой. Навстречу ей попадались радостные люди, которые расступались, предоставляя бегущей девочке дорогу. Уже выбегая из парка, Оля краем глаза увидела Валерку Вязникова, на котором было зимнее пальто.

«Ишь ты, оделся как... Вот ему небось не холодно», — подумалось Оленьке.

Валерка был из параллельного класса и очень ей нравился. Если бы он учился в их классе, то Оленька непременно перекинулась бы с ним парой словечек по поводу такого неожиданного, но столь желанного праздника. А так она пробежала мимо него, даже не кивнув. А что, пусть здороваётся первым, ведь она девочка.

Оленька, как обычно, с трудом отворила дверь барака — стальные пружины на двери были очень мощные — и вбежала в свою комнату. Поначалу она даже не заметила молодого мужчину, копошащегося в сундуке, стоящем в дальнем углу около окна. Схватив с вешалки свое пальтишко и дедов ватник, она уже было хотела выбежать из комнаты, как вдруг ее взгляд остановился на мужике в телогрейке и шибко поношенном картузе.

— А вы... кто?

— Да я... это... — произнес мужик и неожиданно замолчал, очевидно не зная, что сказать дальше.

Взгляд Оленьки упал на большую хозяйственную сумку, стоявшую возле ног незнакомца, из которой выглядывали полы отцовского пиджака. Так это же... вор! Девочка гневно посмотрела на мужчину и открыла рот, чтобы закричать и позвать на помощь, но незнакомый мужчина в телогрейке коршуном кинулся на Оленьку и успел зажать ей ладонью рот. А затем повернул ее к себе спиной, слегка наклонил назад и точным и резким движением всадил ей в сердце нож. Через пару секунд убийца отпустил безвольное худенькое детское тельце, и Оленька рухнула на пол.

Душегубец в телогрейке постоял некоторое время в комнате, чутко прислушиваясь к радостным крикам, раздававшимся в конце барака, и вернулся к сундуку. Быстро выхватил из него темно-синий цветастый бабий платок, сунул его в хозяйственную сумку, запихнул поплотнее и по-

спешил к двери, перешагнув через труп девочки, как будто это было не человеческое тело, а каша из талого снега или груды побитых кирпичей. Выглянув в коридор и никого не обнаружив, мужчина быстро покинул комнату и через несколько секунд уже выходил из барака, держа путь в сторону поселка Северный.

Когда невдалеке от него показался конный милиционерский патруль, мужчина невольно замедлил шаг и хотел поначалу свернуть в сторону и затеряться в глубинах проходных дворов, но потом решил этого не делать, зашагал с прежней скоростью по намеченному пути, боевито приподняв подбородок. Один из милиционеров конного патруля внимательным взглядом смерил проходившего мимо него прохожего. Ничего подозрительного: обыкновенный мужик средних лет с большой невзрачной хозяйственной сумкой в руках. Вероятно, потопал к ближайшему базару, чтобы обменять собранное барахло и кое-какую одежду на продукты. Время-то нынче непростое, надо как-то выживать. Таких, как он, в городе каждый второй. Все что-нибудь меняют. Вернулись к натуральному обмену, как в доисторические времена...

Милиционер потерял к прохожему интерес и отвел от мужика взгляд: патруль держал путь в парк имени Серго Орджоникидзе, там было большое скопление народа, а где много народу, там обязательно случаются различного рода правона-

рушения — напьются или подерутся. К тому же начальство распорядилось быть предельно вежливыми и соблюдать принципы социалистической законности. То есть служить на благо советских граждан.

ГЛАВА 2

Два ограбления на улице Баумана

Три часа утра не самое лучшее время для пробуждения, но куда деваться, если колотят в твою дверь чем ни попадя. Обычно Зинаида Степановна вставала в половине шестого, даже в шесть. А сейчас пришлось подниматься в три, искать завалившиеся под кроватью стоптанные тапочки и, чертыхаясь про себя, идти открывать входную дверь, думая о том, кого это принесло в такую несутветную рань!

Зинаида Степановна подошла к порогу, за которым слышались громкие веселые голоса, никак не вязавшиеся ни с нынешней военной порой, ни с ранним утром.

— Кто там? — спросила она.

За дверью послышался веселый задорный смех, и голос соседки произнес:

— Вставай, Зина. Победа!

— Не может быть! — воскликнула Зинаида Степановна, хотя, конечно же, весть, что принесла соседка, была вполне ожидаемой.

— Может, Зина, может! Просыпайся, наконец!

— Сейчас, сейчас, — суетливыми дрожащими руками Зинаида Степановна отомкнула самостоятельно защелкивающийся английский замок — вещь в городских домах не частая, но только не в бывшем купеческом доме на улице Баумана, где проживали люди, имевшие в городе какое-то положение и достаток, — и широко открытыми глазами воззрившись на соседку: — Это правда?

— Да правда, правда, — заверила Зинаиду Степановну соседка. — По радио только что передали. Вот радость-то какая!

Еще через четверть часа гудел уже весь дом. Люди запросто заходили друг другу в квартиры, поздравляли с победой, плакали, смеялись.

Как только рассвело, все высыпали на улицу, где уже было полно народу. В одно из раскрытых окон недалеко от Дома печати кто-то выставил патефон и завел пластинку с джаз-оркестром Утесова. И начались танцы! Мужчин, конечно, было немного, так что женщины и девушки танцевали друг с другом.

Когда взошло солнце, из Дома печати раздалось сообщение Левитана о победе, а затем звуки патефона, крутящего одну за другой пластинки с танго и фокстротами, заглушили бравурные аккорды духового оркестра. И гуляние продолжилось. В танцах кружилась уже вся улица: танцевали старики и старушки; невообразимые па выделявали вездесущие ребяташки.

Чуть ли не касаясь крыш домов, пролетел самолет, сбросив тучу листовок с сообщениями о победе. Бумага не успевала опуститься на землю: ее на лету с радостными криками расхватывали высыпавшие на улицу люди и зачитывали друг другу сообщение, хотя помнили его чуть ли не наизусть.

Ближе к обеду зазвучал цирковой марш. Взоры собравшихся устремились к началу улицы, где появились цирковые артисты в ярких нарядах. Вначале, разрезая толпу пополам, браво вышагивали жонглеры с булавами и кольцами. Пара гимнастов в обтягивающем трико почти беспрерывно и неустанно исполняла сальто вперед. Здоровенный мужик в полосатом трико и с усами, закрученными кольцами, ехал на открытой повозке, которую тянула холеная лошадь. Мужик высоко подбрасывал и ловил гири, будто это были не пудовики, а надувные мячи с ручками. А за повозкой величаво вышагивала гора, слегка покачиваясь, будто бы на волнах. Когда гора приблизилась, то оказалось, что это был огромный белый слон, на спине которого восседал мужчина в наряде клоуна с большим воротником-жабо и приветливо кланялся направо и налево. Это был заслуженный артист РСФСР Юрий Владимирович Дуров, цирковой артист, клоун, продолжатель династии цирковых дрессировщиков Дуровых. Его труппа, выступающая со зверями, давала с конца апреля представления в средневожском здании деревянного цирка на

Банном озере, и многие горожане уже успели посмотреть эти представления.

В этот день бесплатно работали оба кинотеатра на Баумана, центральной улице города, — «Электра» и «Родина». Показывали «Боевой киноборник № 12» и «Чкалов». А один из кондитерских магазинов недалеко от здания Госбанка, закрытый все четыре военных года, вдруг неожиданно распахнул тяжелые дубовые двери и стал торговать не какими-то там карамелями, а самыми настоящими шоколадными конфетами!

Под вечер солнце скрылось за тучами и как-то сразу заметно похолодало; дунул северный ветер, тотчас застудив собравшихся. Зинаида Степановна и ее соседка вернулись домой, чтобы надеть что-нибудь теплое. Недолго думая, соседка взяла с вешалки зимнее каракулево пальто, купленное еще до войны, а Зинаида Степановна прошла в комнату к комоду, где висела теплая вязаная кофточка, и тут увидела, что ящики комода открыты и почти опустошены.

— Да что же это такое! — невольно ахнула женщина.

С замиранием сердца Зинаида Степановна бросилась к полуоткрытому верхнему ящику комода, в котором лежала деревянная шкатулка.

— Уф-ф, — выдохнула она, увидев, что шкатулка находится на месте. Но когда она открыла резную крышку, то едва устояла на ногах: шкатулка была пуста. В ней лежали золотые сережки, пода-

рок матери, которые Зинаида Степановна сберегла даже в голодный сорок четвертый год, не поменяв их на картошку и хлеб, а еще деньги — семьсот восемьдесят рублей. Но главное — были украдены ежедневные хлебные карточки и месячные карточки на крупы, рыбу, макароны, сахар и прочие продукты. Хотя сережки тоже было очень жалко — едва ли не единственное, что осталось у нее от матери. Все было ясно: кто-то в отсутствие Зинаиды Степановны вскрыл ее квартиру, забрал приглянувшиеся вещи и опустошил шкатулку с самым дорогим, что имелось в квартире. Все прочее, что могло представлять интерес для вора, давно было обменено на продукты, благополучно съеденные. И этот вор ни черта не разбирался в антиквариате, поскольку шкатулка в форме сундучка в верхнем ящике комода Зинаиды Степановны являлась вещицей отнюдь не простой. Шкатулка из дерева с декорированием бронзовыми накладками по углам и на крышке была изготовлена еще в начале девятнадцатого века. Причем шкатулка была английского производства и стоила, надо полагать, довольно приличные деньги. Но этого похититель (или похитители) не ведал.

Праздник был испорчен, нечего было думать о том, чтобы возвратиться в парк, где продолжалось народное гулянье. Похоже, что горожане будут праздновать всю ночь. По настоянию участливой соседки Зинаида Степановна немедленно заявила в милицию о пропаже продуктовых карточек, де-

нег и золотых сережек. Немного подумав, поделилась своими сомнениями о том, что квартирные воры вряд ли разбирались в антикварных вещах, иначе в первую очередь они забрали бы редкую шкатулку.

Приняв заявление, дежурный пообещал отправить в течение часа по адресу проживания Зинаиды Степановны оперуполномоченных, попросив ее никуда не уходить в это время из квартиры.

Минут через сорок к ней домой пришли два милиционера. Старший из них был мужчина средних лет сумрачного вида, одетый в штатское, он все время задавал разные вопросы, записывая их на листке бумаги из полевой сумки-планшетки. Второй, помоложе, в форме старшего сержанта, — ходил по соседям и выспрашивал: не видел ли кто незнакомого мужчину или мужчин, заходящих в подъезд или выходящих из него с сумками или котомками. Однако никто из соседей ничего определенного сказать не мог. Да и соседей-то в доме было немного: раз-два и обчелся! Все высыпали на улицу праздновать Победу.

Утрата продовольственных карточек была, конечно, большой бедой. Ведь новых никто не выдаст, просить бесполезно, а месяц только начался. Однако война закончилась, жить станет легче, а значит, как-нибудь можно будет перебиться. На крайний случай английскую шкатулку можно продать или оставшиеся теплые вещички, что воры не

унесли, поменять на базаре на продукты. Скоро ведь лето. А к зиме, глядишь, что-нибудь изменится к лучшему... К тому же очень значительно должна поменяться политика государства. Если раньше все было для фронта, для победы, то сейчас все для мирной жизни.

Ничего. Первый раз, что ли? Бог не выдаст, свинья не съест...

Все же Зинаида Степановна, глянув на строгого милиционера в штатском, улучила момент и робко поинтересовалась:

— А вы мне можете сказать, есть ли надежда найти мои карточки и сережки? Деньги уж ладно, бог с ними... И бóльшую сумму приходилось терять.

Оперативный сотрудник с угрюмым видом выдержал взгляд женщины, полный надежды, и ничего не ответил...

* * *

Прокопий Иванович давно припас до подходящего случая еще довоенную бутылочку «Водки столовой» крепостью аж пятьдесят градусов! До войны она стоила сущие гроши, и на его зарплату можно было купить хоть пятьдесят бутылок водки. Да еще и на хорошую закуску денег осталось бы!

С началом войны он вовсе позабыл об этой бутылке (как-то не до нее было), и она простояла в заначке в шкафу, прикрытая картоном, до сорок

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

четвертого голодного года, когда пришлось делать ревизию всему, что имеется в квартире, дабы выбрать что-нибудь для обмена на хлеб или какие-нибудь крупы. А натолкнувшись на забытую бутылку, Прокопий Иванович пить водку не стал, лишь сказал в задумчивости жене:

— Пусть стоит до победы. Когда настанет день победы, тогда ее и выпьем.

И ведь простояла же! Вот какой силы воли был мужчина, который когда-то не прочь был выпить в хорошей компании и под хорошую закуску.

Ранним утром девятого мая Прокопий Иванович был разбужен едва ли не поминутно нарастающим шумом за окном. Поскольку жил он на первом этаже, то просто не мог не проснуться от топота ног, гомона, смеха, песен и громкого возбужденного говора десятков людей. Такое впечатление, что будто бы началась первомайская довоенная демонстрация.

А потом где-то недалеко заиграл патефон. Прокопий Иванович раздвинул на окнах шторы и увидел совсем близко от окна танцующую пару. Мужчина был без правой руки, а левой обнимал белокурую девушку за талию и плавно вел ее в вальсе.

— Что там такое, Проша? — услышал Прокопий Иванович голос жены, раздавшийся из спальни.

— Невероятно, но там... на улице танцуют, — повернулся на голос супруги Прокопий Иванович.

— Значит, все?

— Что — «все»? — не понял поначалу вопрос жены Прокопий Иванович, остроюю ума не шибко отличающийся и отнюдь не способный схватывать все на лету.

— Как что? Конец войне. — Супруга подошла к окну и стала разглядывать танцующие пары.

— Конец? Да не может быть... — понял наконец причину народного гуляния за окном Прокопий Иванович и как-то засуетился. — Пойду, что ли, разузнаю точно, в чем там дело.

Одевшись по-праздничному — в нештукованный¹ костюм, белую свежую рубашку, жаккардовый галстук-регат, обувшись в полуботинки со шнуровкой и натянув на голову непролетарский головной убор — шляпу, Прокопий Иванович вышел на улицу Баумана.

— С победой! — окликнула его незнакомая и, кажется, подвыпившая женщина, обдав изрядно подзабытым за время войны запахом духов.

— С победой, — машинально ответил он.

В это время над улицей совсем низко и громко гудя пролетел самолет, сбросивший ворох листовок. Одну из них не очень ловко поймал Прокопий Иванович. В правом углу был портрет Сталина в фуражке и маршальском мундире, а внизу посередине был напечатан текст:

¹ Нештукованный — без заплаток.

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

По войскам Красной армии

И Военно-Морскому флоту

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией, сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-Морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная армия и Военно-Морской флот!

*Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин.*

— Слава богу! — с облегчением произнес вслух Прокопий Иванович и непроизвольно оглянулся, не слышал ли кто.

Конечно, за столь невинную фразу — даже если бы он еще после нее и перекрестился — никто бы его не осудил. Не те нынче настали времена. Но все же не годится бывшему руководителю отдела пропаганды районного исполнительного комитета, а после выхода на заслуженный отдых лектору-пропагандисту антирелигиозных доктрин и воззрений обращаться к Богу и тем более славить его прилюдно. Не так, как надо, могут понять...

Прокопий Иванович еще раз опасливо осмотрелся и увидел неподалеку мужчину немногим младше себя. Он был крепкого телосложения, круглоголов, тоже в пиджаке и свежей рубашке, только на голове вместо шляпы была драповая кепка. Мужчина стоял и, улыбаясь, смотрел на него как на старого доброго знакомого. Кажется, улыбающийся мужчина в драповой кепке Прокопию Ивановичу тоже был знаком. Ну точно, они не раз виделись, когда работали на строительстве противотанкового оборонительного рубежа вокруг Средневожска, Синеборовска и ближайших к ним районов зимой с сорок первого на сорок второй год. Оборонное полукольцо, состоящее из окопов, землянок, просто рвов, скрытых огневых точек, командно-наблюдательных пунктов и прочих военно-инженерных сооружений,

делалось по приказу Верховного Главнокомандования на случай прорыва немцев к Средней Волге. У мужчин были кирки, у женщин и подростков — лопаты. Сколько на этих работах было людей, Прокопий Иванович не знал. Но, надо полагать, десятки и десятки тысяч. Поэтому-то Средневожский обвод — так называлось более чем трехсоттридцатикилометровое полукольцо оборонительных противотанковых сооружений — начал строиться осенью сорок первого, а к середине февраля сорок второго года был уже полностью завершен.

«Как же его фамилия?» — раздумывал какое-то время Прокопий Иванович, поглядывая на улыбающегося мужчину. Наконец вспомнил: Бабаев. Ну так оно и есть — Всеволод Леонидович Бабаев.

— Это вы? — спросил уже более или менее уверенно Прокопий Иванович.

— Я, — добродушно ответил мужчина и еще шире улыбнулся. — Узнали, Прокопий Иванович?

— Узна-ал, как не узнать, — протянул бывший служащий райисполкома и пожал протянутую руку. — С Победой вас!

— И вас с Победой! — горячо произнес Бабаев, и глаза его как-то истово блеснули. — С нашей замечательной Великой Победой.

Где-то за зданием Госбанка грянул духовой оркестр в унисон с музыкой, что звучала в душе.

— А знаете что? — посмотрел на Бабаева Прокопий Иванович и заговорщицки прищурил глаза.

— Что? — посмотрел, в свою очередь, на бывшего работника райисполкома Всеволод Леонидович.

— А пойдете-ка ко мне, — предложил Прокопий Иванович. — Отметим победу, которую и мы ковали здесь, в тылу. И нашу встречу отметим. У меня еще с незапамятных времен сохранилась бутылочка пятидесятиградусной «Водки столовой» Помните такую?

— Да как же не помнить, Прокопий Иванович? — изрек как само собой разумеющееся Бабаев. — Еще как помню!

— Так что, идете? — повторил свое предложение Прокопий Иванович, ощущая душевный подъем и чувствуя себя значимой фигурой, внесшей значительный вклад в дело победы, а потому имеющей полное право отметить это событие с людьми посторонними, которые оценили бы его, Прокопия Ивановича, масштаб и значимость.

— А идете! — согласился Бабаев, весело поглядывая на знакомого по копательным работам трехгодичной с лишком давности.

Так что вернулся Прокопий Иванович в свою квартиру не один, а с давним, можно сказать, приятелем. Супруга по-быстрому собрала кое-какую нехитрую закуску, Прокопий Иванович достал заветную бутылочку и демонстративно выставил на стол.

— Ну что, за победу? — поднял граненую рюмку Прокопий Иванович, когда разлил водку по

рюмкам и встал из-за стола. — За победу, — повторился он, — которая далась нам с таким трудом. — Прокопий Иванович нахмурился и покачал головой, будто недавно самолично водил полки под смертельный огонь вражеских пулеметов.

Затем одним махом опрокинул рюмку водки и победоносно посмотрел на Бабаева и супругу. Те выпили молча, очевидно понимая важность момента и не смея его нарушать какими-либо словами. Впрочем, так можно было сказать про супругу Прокопия Ивановича, преисполненную благоговения перед настоящим моментом и перед собственным мужем. Что касается Бабаева, то лицо его оставалось непроницаемым. И то, что он тоже был преисполнен пониманием значения происходящего, с уверенностью сказать было нельзя.

— А теперь — за товарища Сталина, — налив по второй, произнес Прокопий Иванович. — Это его гений полководца привел наш народ к победе над гитлеровской Германией. Как вождь славной плеяды советских народов, как непримиримый враг фашизма, товарищ Сталин обусловил эту замечательную дату для всех жителей нашей страны...

Сказав еще несколько пафосных фраз, словно выступая на партсобрании, Прокопий Иванович опрокинул вторую рюмку, тем самым призывая последовать его примеру.

Бабаев, слушая эту тираду, слегка скривился, будто ему неприятно было все это выслушивать и

даже находиться рядом с человеком, говорившим подобное. Чего, впрочем, ни Прокопий Иванович, ни его супруга, поглощенные значимостью момента, не заметили.

Когда выпили по третьей, Бабаев поднялся:

— Спасибо за угощение, хозяева. Вам, Прокопий Иванович, отдельное спасибо...

— Да не стоит, — вальяжно махнул рукой хозяин квартиры, преисполненный собственной важностью.

— Ну что вы, стоит. Стоит, — повторив уже с иной интонацией, продолжил гость. — Спасибо за то, что вот такие, как вы, лживые и лицемерные ничтожества, отняли у таких, как мы, все: честь, Отечество, Родину. И возомнили себя хозяевами жизни, которым можно, невзирая на отсутствие ума, образования и вообще природной обусловленности, считать себя людьми, достойными власти. А что бывает с теми, у кого все отняли? — посмотрел в упор на побелевшего Прокопия Ивановича Бабаев. — Правильно: им нечего терять. И таких уже ничего не удерживает от проступков, которые они никогда бы не совершили, не будь рядом таких тварей, как вы...

С этими словами Бабаев схватил топор, который заметил, как только вошел в комнату. Он стоял в углу рядом со сработанной из железной бочки буржуйкой, с помощью которой хозяева согревались по зимам, когда случались частые перебои с отоплением. Прокопий Иванович, вы-

слушав тираду гостя и увидев топор в его руках, открыл было рот, чтобы закричать и позвать на помощь, но не успел издать и звука: удар обухом топора лишил его сознания. А второй молниеносный и сильный удар, в который Бабаев вложил всю накопленную в нем ненависть, отнял у Прокония Ивановича жизнь. Ненависть — это такая штука, что посильнее любви будет. И прочих сильных чувств.

Затем Бабаев с топором в руке уверенно двинулся к жене хозяина дома, которая от ужаса впадала в столбняк, отчего не могла ни пошевелиться, ни закричать. Он убил старуху одним ударом, раскроив череп. Когда пожилая женщина рухнула на пол, Бабаев равнодушно переступил через тело и огляделся. Судя по всему, в квартире имелось чем поживиться. Очевидно, в годы войны хозяева не шибко бедствовали: в комодѣ нашлись два кольца со сверкальцами¹, ожерелье из зерен², рыжая³ печатка граммов на двадцать, опять же рыжая брошь с большим рубином посередине, а в шифоньере в середине стопки белья меж двумя наволочками лежали и бабки⁴ — целых семь косух⁵ ассигнациями. Все это Бабаев сгрѣб в карман и

¹ Сверкальцы — драгоценные камни (*жарг.*).

² Зерна — жемчуг (*жарг.*).

³ Рыжая — (*здесь*) золотая (*жарг.*).

⁴ Бабки — деньги (*жарг.*).

⁵ Косуха — тысяча (*жарг.*).

хотел было покинуть куреху¹, как в дверь неожиданно постучали.

— Хозяева, а ну открывайте! — донеслись до Бабаева не очень трезвые голоса.

Стук в дверь продолжился:

— Открывайте, кому говорят! Чего вы там заперлись?

Похоже, униматься незваные гости не хотели. Бабаев прошел на кухню, окна которой выходили во двор. Сдвинул в бок тюлевую занавеску, глянул в окно. Во дворе не было ни души. Бабаев отомкнул оконные шпингалеты, раскрыл окно и вылез на улицу. Затем быстро прошел вдоль дома и вышел через каменную арку между домами на улицу, едва не сбив с ног седоватого мужчину на костылях.

— Эй, товарищ, поаккуратнее, — беззлобно сделал замечание Бабаеву мужик на костылях. — На войне не убило, так чего же здесь помирать?

— Прошу меня извинить, — машинально ответил Всеволод Леонидович, неожиданно раскрыв тот факт, что некогда он был вполне воспитанным человеком.

— Да ла-адно, — примирительно протянул седоватый мужчина. — С победой тебя, товарищ!

Всеволод Бабаев в ответ лишь едва кивнул и поспешил смешаться с ликующей толпой.

¹ Куреха — (здесь) квартира (жарг.).

ГЛАВА 3

Мужчина в офицерском галифе

Назар Степанович, чтобы не затеряться в толпе, встал возле скульптуры женщины с веслом. По сравнению с ее мощным телосложением старик выглядел худым подростком, на котором еще неросло мясо. Впрочем, в парке он был не один такой худой старикан, которого можно было принять за подростка.

Похолодало не на шутку. Сильный порывистый ветер пробирал до костей, защищенных лишь старой обветшавшей кожей да худой перелатанной одежкой. А Оленька все не шла. Назар Степанович еще какое-то время постоял у гипсовой скульптуры, после чего пошел по направлению к бараку, надеясь встретить внучку по дороге. Хмель быстро выветрился. И теперь было просто зябко и отчего-то тягуче тоскливо. Как будто в мире он был один и до него никому не было дела. Назар Степанович почти дошел до барака, а Оленька все еще не повстречалась.

«Да где же ее черти-то носят?» — подумал про себя старик, открывая дверь в барак и всматриваясь в длинный неосвещенный коридор. Но коридор был пуст.

Назар Степанович подошел к двери своей комнаты и распахнул ее. Перешагнув порог, застыл в ужасе — на полу лежало бездыханное тело внучки.

С первого взгляда было видно, что девочка неживая: она не дышала, лицо помертвело, отчего приобрело какие-то чуждые, несвойственные ей черты; под ее телом широко растеклась лужа крови, а полуоткрытые глаза смотрели куда-то в сторону. Назар Степанович немигающе взирал именно на кровь, разлившуюся на полу, — никогда бы не подумал, что в таком шуплом детском теле может быть так много крови. И от осознания этого сделалось особенно страшно.

Назар Степанович постоял так с полминуты, не меньше, пытаясь осознать случившееся. Но мозг не желал воспринимать произошедшее. В какой-то момент он просто хотел закричать от горя, но вдруг понял, что голос пропал, из горла раздавалось только сиплое шипение. Ноги вдруг ослабели, Назар Степанович бессильно оперся о стену и стал медленно сползать на пол, тонко, по-ребеночьи, подвывая.

— Ты что, сосед? — услышав вой старика, подъехал на своей каталке на подшипниках бывший морячок Вася Гудков, отталкиваясь от пола деревянными колодками, похожими на пресс-папье. — Чо воешь-то?

В ответ Назар Степанович молча указал на Оленьку, лежавшую на полу.

Морячок лихо переехал на своей тележке через высокий порог и приблизился к Оленьке. Объехал ее кругом и деловито изрек, как человек, повидавший на своем небольшом веку немало смертей:

— Нож. Прямым в сердце. Ну хоть не мучилась. — Потом помолчал немного и уже вполне участливо добавил: — Это у кого ж на ребенка рука-то поднялась? Хуже фрицев!

Назар Степанович обхватил лицо ладонями, а потом нарочито сильно ударился затылком о стену и взвыл:

— Что же я наделал... Как же не подумал... Надо было мне с тобой пойти, Олюшка. А я, дурак старый, там остался. Как же это так, внученька моя...

— Ты, Назар, это... Не вой. Уже не исправить. Надо в милицию сообщить о случившемся. Чтоб они этого гада нашли и под расстрел подвели. Ты это, — безногий морячок глянул на старика и, кажется, впервые осознал, что кому-то может быть еще хуже, чем ему, — здесь пока побудь, а я метнусь в отделение. Одна нога тут, другая там, — попытался он по-флотски приободрить старика. Неуместно получилось, не до шуток сейчас, пусть даже если они касаются собственных ног, которые оставил в далеком сорок первом где-то на дне Балтийского моря. И уже сочувственно, понимая, что совершил некоторый промах, добавил: — Тяжело тебе будет, понимаю... Но надо терпеть... Чтобы увидеть, как этих гадов к стенке поставят... Я скоренько...

Старик то ли кивнул, то ли сделал еще одну попытку удариться затылком о стену. Вася Гудков покачал головой и, громко шумя подшипниками, поехал по коридору. С трудом открыв тяжелую

дверь, он покатил в сторону отделения милиции, в ведение которого входил поселок имени Орджоникидзе.

* * *

Дежурный сержант не сразу понял, чего от него хочет безногий матрос, к тому же не совсем трезвый.

— Послушай, браток, я тебя не понимаю, объясни ты мне толком. Что ты хочешь? — переспросил милиционер Василия после его бессвязной тирады.

— Уполномоченного мне сюда давай, — настаивал безногий моряк.

— Нет сейчас никого, — высунулся в окошко дежурки сержант, чтобы как следует разглядеть настырного посетителя, желающего увидеть кого-нибудь из оперуполномоченных.

— Тогда главного давай, — не унимался морячок, который явно собирался добиться своего.

— А чего ты хотел-то? — сдвинув брови, заорал на матроса сержант милиции, однако на голос и грозный вид Василия Гудкова было не взять. Глянув снизу-вверх на сержанта, матрос разразился такой загогулистой матерной тирадой, что у сержанта непроизвольно приоткрылся рот. Вид у него и так был как у человека, не очень обремененного интеллектом, а с открытым ртом (если бы не форменное обмундирование) его вполне можно было принять за пациента из городской психушки. — Там девочку убили прямо дома, ножиком

зарезали! А ты тут... — продолжила загогулистая тирада.

— Так говорю же: нет сейчас никого, — уже иным тоном, в котором можно было уловить уважение, произнес дежурный сержант. — Все в городе. Непокойно сейчас.

— Да как так может быть, чтобы во всем отделении никого не было? — возмутился Вася Гудков.

— Говорю же тебе, окромя начальника, никого в отделении нет! Все на выезде, — начал уже оправдываться сержант, с которого после услышанного мата слетела вся «начальственная» шелуха, как штукатурка со старого фасада. Повидал морячок, ног на фронте лишился, но держится заодно, такого ничто не ломает.

— А где он находится?

— На втором этаже, — ответил милиционер.

— Ну тогда я его навещу!

Не успел сержант опомниться, как безногий матросик уже ловко взбирался по ступеням на привязанной к кульям тележке, орудуя тренированными руками. Сержант хотел было ринуться за ним, но затем нашел иное решение и поднял трубку телефонного аппарата. И когда Василий Гудков, грохоча подшипниками по дощатому полу, поехал по коридору второго этажа, навстречу ему уже шел высокий мужчина в офицерском галифе, начищенных хромовых сапогах и кожаном пиджаке поверх вязаной безрукавки и полосатой рубахи. На вид ему было лет сорок или около того.

— Это ты начальник? — едва не наехал своей тележкой на носки хромовых сапог Василий и боевито задрал вверх голову.

— Ну я, — ответил мужчина в офицерском галифе.

— В нашем бараке девочку малолетнюю за-резали, — выпалил безногий матрос, продолжая смотреть снизу вверх на начальника, как дети смотрят на взрослых. — Ножом! И фатеру обнесли, — добавил он.

— В каком еще нашем? — сурово посмотрел на матроса мужчина в офицерском галифе и хромовых сапогах.

— Второй барак на Сталинградской. Аккурат за зеленым домом, — ответил Василий Гудков.

— Ясно, — сказал начальник отделения милиции. — Ну что, пошли? Может, помочь?

— Сам справлюсь, — отмахнулся Вася.

— Ноги-то где потерял? — участливо спросил милицейский начальник.

— На Балтике в сорок первом, — ответил моряк. — Недалеко от маяка Тахкуна. Там где-то мои ноги и лежат...

* * *

Начальник городского отделения милиции майор Щелкунов Виталий Викторович тоже успел повоевать. Когда началась война, он, будучи служащим фабрики, вместе со многими другими парнями и

мужчинами подал заявление в военкомат с просьбой принять его в ряды РККА и без промедления направить на фронт. Поскольку за плечами Щелкунова была десятилетка и работа мастером цеха на меховой фабрике, его сразу направили на четырехмесячные ускоренные курсы, готовившие младших лейтенантов, по окончании которых он попал на Волховский фронт. При освобождении Тихвина получил тяжелое ранение в грудь. Хотя руки-ноги у него были целы, но тем не менее он в звании лейтенанта был по ранению комиссован из армии.

Вернулся в Средневожск. В военкомате, куда он пришел, чтобы сняться с военного учета, ему предложили продолжить службу в милиции во вновь учрежденном отделе по борьбе с бандитизмом и дезертирством. А поскольку грамотных кадров с полным средним образованием да еще офицеров-фронтовиков в отделениях милиции Средневожска можно было пересчитать по пальцам, то через полгода Виталий Викторович стал заместителем начальника отдела в звании старшего лейтенанта, а через год с небольшим — в начале сорок четвертого — уже в звании капитана возглавил отдел. Однако быстрый карьерный рост Виталия Щелкунова был связан не только с его образованием, офицерским званием при поступлении на службу в милицию и фронтовым опытом, но и непосредственно способностями к розыску, обнаружившимися у него при расследовании первых же дел.

Одним из его первых значимых дел, которое заставило обратить на него внимание не только коллег, с которыми он разделял кабинет, но и строгое начальство, было задержание подозрительного мужчины с мешком и последующее за этим раскрытие крупных хищений с городской кондитерской фабрики.

Дело обстояло таким образом...

Возвращаясь зимой вечером с дежурства и отойдя всего-то метров сто пятьдесят от своего отделения, лейтенант Щелкунов обратил внимание на мужчину, несущего на спине большой мешок. Когда лейтенант милиции нагнал подозрительного человека и поинтересовался, что у того находится в мешке, то мужчина ничего вразумительного ответить не смог: стал юлить, изворачиваться, нести всякую чушь. Щелкунов предложил мужчине пройти в отделение милиции. Тот поначалу упирался, а потом раскрыл мешок и предложил Щелкунову половину содержимого. Мол, бери половину и дай мне уйти с миром. В мешке оказалось настоящее богатство для военного времени: несколько буханок хлеба; колотый сахар в пакетах; мука в холщовых мешках; несколько плиток шоколада и две бараньи лопатки, завернутые в тряпицу. Кража или ограбление, следовало разобраться! Схватив мужчину за шкуру, Виталий Викторович доставил его в отдел. Задержанный оказался неким Галиаскаровым, однако откуда у него взялось такое богатство — полный мешок самых что ни на есть

дефицитных продуктовых товаров, — говорить он категорически отказывался. Обыск, проведенный в его квартире, дал неожиданный результат: было обнаружено около четырехсот килограммов продуктов, в том числе более пятнадцати пудов муки, почти пуд изюма, по полпуда сливочного и подсолнечного масла, сахар, какао, кофе. После произведенного у Галиаскарова обыска с предъявлением доказательств его преступной деятельности деваться ему более было некуда, и он, рассчитывая признаниями облегчить собственную участь, был вынужден рассказать о крупных хищениях, проходивших на кондитерской фабрике, где он работал до своего задержания. Благодаря лейтенанту Шелкунову было заведено уголовное дело и раскрыта банда расхитителей, орудовавшая на кондитерской фабрике.

После задержания в начале сорок третьего года банды перекупщиков хлеба в доме у одного из фигурантов, живущего в поселке имени Серго Орджоникидзе, старшим лейтенантом Шелкуновым были обнаружены в большом количестве фальшивые хлебные карточки. При допросе задержанный показал, что ему их принес работник типографии Хаев и попросил подержать у себя с недельку. После ареста Хаева и его допроса выяснилось, что в типографии, расположенной в центре города на улице Миславского, орудовала целая банда преступников, занимающихся хищением бумаги, шрифта и красок для печатания хлебных карточек.

Изготовленные фальшивки практически ничем не отличались от настоящих продовольственных карточек, а печатали подделки в подпольной типографии на улице Некрасова, в подвале частного особнячка с яблоневым и вишневым садом. Дело было поставлено на широкую ногу, и преступникам к моменту задержания удалось получить и реализовать более восьми тонн хлеба. Раскрытие этого дела и привлечение к уголовной ответственности семнадцати человек вынудило милицейское начальство издать внутриведомственный приказ, согласно которому с марта сорок третьего года соблюдение режима печатания продуктовых карточек в типографиях и порядка в распределении карточек было поручено органам милиции. Что с того дня неукоснительно соблюдалось.

Старший лейтенант Щелкунов не единожды участвовал в облавах на дезертиров, сбившихся в большие банды, а в одной из них, получив пулевое ранение из обрез в плечо, все же смог задержать двух преступников, за что был награжден именными часами, получил звание капитана и был назначен начальником отдела по борьбе с бандитизмом.

Его звездным часом было участие в расследовании дела под кодовым названием «Ветхие деньги».

Случай был из ряда вон выходящий. Пожалуй, что даже фантастический... Из Средневолжского отделения Государственного банка, куда во время войны стекались золото, ценности и деньги едва ли не из половины банков страны и куда была пере-

правлена центральная кладовая Госбанка СССР, в начале весны сорок четвертого года пропали два мешка денег на сумму два миллиона рублей. Деньги были не новые, все сотенными купюрами. И украдены были из бронированной комнаты, которую охранял специальный отряд Народного комиссариата внутренних дел. Командовал отрядом охраны капитан НКВД Николай Никудин.

Первые два месяца расследования почти не дали никакого результата. Трясли служащих банка, охрану — все без толку! Все люди были проверенные, случайных служащих как в банке, так и в охране не имелось: проходили строжайшую проверку, имели безукоризненную биографию. Казалось, два мешка сотенных купюр просто растворились в воздухе, не оставив ни следа, ни запаха. Или дематериализовались. Чего, естественно, в стране победившего социализма быть никак не могло. Конечно, о случившемся в Средневожском отделении Государственного банка узнали на самом верху, поскольку кража двух миллионов рублей была очень дерзкой, вызывающей. Шутка ли: вынести из охраняемого банковского хранилища два мешка денег, да еще так, чтобы никто не заметил!

Дело попало на особый контроль руководству НКВД страны, о нем был осведомлен сам нарком внутренних дел товарищ Берия. Наркома внутренних дел республики Гисматуллу Абдуллоевича Сабитова удалили из Средневожска аж в Узбекскую

ССР на не слишком приметную должность в Наркомате госбезопасности республики. На его место был назначен начальник Пятого агентурно-оперативного отдела Третьего (секретно-политического) управления НКВД СССР полковник государственной безопасности Павел Николаевич Горбулин. Новый нарком внутренних дел республики начал с того, что поменял в Управлении милиции города начальников отделов по борьбе с бандитизмом и по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В Средневожжск был командирован приказом из Москвы тридцатидвухлетний майор Абрам Борисович Фризин, до этого командированный с Украины на Северный Кавказ и успешно ликвидировавший со своим оперативным отрядом тамошние бандитские формирования. Он и был назначен новым наркомом Горбулиным на должность начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией городского Управления милиции. Отдел Управления по борьбе с бандитизмом временно возглавил капитан НКВД Григорьев, ликвидировавший несколько недель назад банду Жихи (Антон Жихаревского), терроризирующую город с самого начала войны и убивающую своих жертв за старенькое пальто и валенки, авоську с мерзлой картошкой или буханку хлеба.

Буквально через неделю после вступления полковника госбезопасности Горбулина в должность наркома внутренних дел республики в Средне-

волжск прибыл из Москвы на усиление полковник госбезопасности Горюнов Иван Иванович, начальник Первого отдела Главного управления контрразведки Смерша, занимающегося агентурно-оперативной работой. Вероятности того, что пропажа двух мешков наличности была не просто кражей, а диверсией, исключать тоже было нельзя. Особенно после задержания агентов немецкой разведки — группы Ягудина, Пальцева и Донца, целью которых были диверсии на пороховом и авиационном заводах Средневолжска и сбор данных о передвижениях военных эшелонов транзитом через Средневолжск.

Они были очень непохожи — полковники госбезопасности Горбулин и Горюнов. Первый был родом из Курска, рабочую карьеру начал в пятнадцать лет учеником слесаря в железнодорожных мастерских. Позже длительное время работал в комсомоле на разных должностях, откуда был переведен в Главное управление государственной безопасности, где, дослужившись до полковника, получил новое назначение. Он был круглолиц, щекаст, насмешлив и до безобразия молод, каких-то тридцать три года! Второй был из Подмосковья, успел повоевать в Гражданскую. Затем в частях особого назначения, созданных для выполнения специальных заданий и состоящих исключительно из комсомольцев и коммунистов, противостоял силам мелкобуржуазной контрреволюции на севере и востоке Казахстана. Подавляя мятеж Са-

пожкова, был ранен в ногу. Позже был призван на партийную работу, откуда был переведен в органы НКВД.

Худой, неулыбчивый, с колючим жестким взглядом, полковник Горюнов был лет на десять старше Горбулина. Взгляд у него был тяжелый, изучающий, и когда Иван Иванович смотрел на собеседника в упор, то тому казалось, что он читает его мысли. С таким лучше не лукавить и не спорить, говорить исключительно правду и без колебаний соглашаться на предлагаемые условия. Впрочем, и Павел Николаевич не лишен был таких же талантов и при внешней мягкотелости, не повышая голоса, мог подобрать нужные слова, позволявшие даже самому несговорчивому блеснуть красноречием.

Несмотря на несхожесть характеров, на различие в возрасте, на разный жизненный опыт, оба полковника госбезопасности начинали оперуполномоченными в особых отделах и отлично понимали друг друга, что для дела было весьма важно.

На следующий день по приезде в Средневожск полковника госбезопасности Горюнова у него состоялся телефонный разговор с личным секретарем Сталина, заведующим Особым сектором ЦК ВКП(б) Поскребышевым. Александр Николаевич поинтересовался состоянием дел в городе, в наркомате республики и мягко посоветовал, имея в виду обоих полковников госбезопасности, создать по делу «Ветхие деньги» оперативно-разыскную группу во главе с майором Фризиным.

— А вот состав группы — это на ваше усмотрение. Вам с ними работать, вам и выбирать, — добавил Поскребышев, на чем разговор и закончился.

Требования поскорее разобраться с делом не прозвучало, но это отнюдь не значило, что можно расслабиться и не спешить. Напротив, то, что Поскребышев не торопил с расследованием такого серьезного дела, означало, что желаемый результат ожидается как можно скорее.

Майор Фризин — теперь уже начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Средневолжска — через неделю уже ориентировался в городских делах не хуже прежнего начальника. И скоро предложил включить в группу по делу о «Ветхих деньгах» две выбранные им кандидатуры. Первой был оперуполномоченный из Молотовского района города старший лейтенант Корнеев — на его счету имелось рекордное количество задержаний в текущем сорок четвертом году и участие в поимке и разоблачении разведывательно-диверсионной группы Ягудина. Второй кандидатурой являлся начальник отдела по борьбе с бандитизмом отделения милиции поселка имени Серго Орджоникидзе капитан Щелкунов. Начальника отдела по борьбе с бандитизмом городского Управления капитана НКВД Григорьева предложил включить в группу сам нарком Горбулин. Так в предельно короткий срок, как того требовали обстоятельства, была сформирована крепкая оперативно-разыскная группа, перед которой была

поставлена задача в кратчайшие сроки найти и обезвредить банду похитителей денег из банка — всем было ясно, что одиночке такое дело никак было не провернуть, — и разыскать сами деньги.

И началась кропотливая оперативно-разыскная работа. День за днем, неделя за неделей. Вновь опрашивали свидетелей, наводили справки о служащих банка, попавших под подозрение, проводили оперативный осмотр в жилищах и в зданиях, где, по предположениям группы, могли храниться деньги, вырабатывали новые версии. Без излишней нервозности и суеты, не теряя ни часа, оперуполномоченные группы накапливали и обрабатывали различные факты, которые могли бы пролить свет на личные связи, привычки, склонности и характер служащих, несущих охрану банка, и его хозяйственной обслуги — то, на что в первую очередь решил обратить внимание майор Фризин.

Капитан Щелкунов по поручению Абрама Борисовича перепроверял энкавэдэшников из отряда охраны госбанка. Проводил опросы и, если возникало хотя бы малейшее подозрение о причастности к похищению, разрабатывал подозреваемого по полной программе. Однако всякий раз человек оказывался чист перед законом, и приходилось все начинать сначала.

После шестой неудачи с подозреваемыми, когда многим уже показалось, что деньги не будут найдены, а банда не будет разоблачена, Виталий Викторович приступил к разработке очередного